

Праздник Блока

Юрий НАГИБИН

В Комаудитории МГУ стихи Блока читал молодой, но уже известный артист Вадим Маратов. Я люблю Блока, и мне нравится, как читает Маратов. С юношеских лет покорило меня благородное искусство чтения. Уже тогда моим любимым родом сценического искусства стал «театр одного актера», как назвал свое искусство незабвенный Владимир Яхонтов. К числу самых сильных художественных впечатлений моей жизни принадлежит чтение Дмитрием Орловым отрывка из очерка Горь-

кого «Царство скуки» и сказок народов России, Леонидом Леонидовым — письма Пушкина к барону Геккерену, Антоном Шварцем — «Невского проспекта», Всеволодом Аксеновым — парламентской речи Байрона и «Кармен» Мериме. Много прекрасных минут подарили мне Игорь Ильинский, Сурен Кочарян, Эммануил Каминка, Дмитрий Журавлев и более молодые — Я. Смоленский, Б. Моргунов; мне было гордо и радостно, когда Юрий Мышкин целое отделение программы посвятил моим рассказам, я знаю, что своей долгой жизнью «Трубка» обязана во многом чтецу А. Вертоградову.

Вадим Маратов никогда не читал моих рассказов, он и вообще не читает прозу, но мое отношение к чтецам свободно от ревнивого авторского чувства. Вадим Маратов не просто читает стихи, он одержим стихами, дышит стихами, вне стихов для него нет жизни. И, видимо, эта всепоглощенность поэзией предопределила быстрый его успех, когда молодым, безвестным актером он изменил театральную сцену ради подмостков эстрады. Требовательная московская аудитория вскоре признала нового чтеца, он получил хорошие площадки, стал лауреатом двух конкурсов.

В тот вечер, как уже говорилось, Маратов читал Александра Блока. Пресловутый «романсовый» лад если не всей лирики Блока, то значительной ее части, ее ночное волшебство и дневная горечь, ее неповторимое

сладкозвучие, так легко и естественно вбирающее в себя бытовые интонации и речения, делая их тоже материалом поэзии, — это и многое другое превращает Блока в одного из самых трудных, хоть и желанных поэтов для исполнителей. Да и свежа еще память о том, как читал стихи сам Блок, читал монотонно, как будто сознательно приземляя свою поэзию, голосом тусклым, усталым, обращенным в себя, и вместе — таким, что уж никого другого не хотелось слушать, и всякое иное чтение, даже самое проникновенное, самое сверхающее, становилось неприемлемым. О чародействе «мертвого» голоса Блока писали многие, кому по-настоящему хотелось его слышать.

В Москве, пожалуй, нет места менее природного для лирики, чем Комаудитория МГУ, с ее старыми скамь-

● 8 стр. ● «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 47 (359) ● 21 ноября 1969 г.

ями, неказистой сценой, пустынными стенами и пасмурным светом. Но все преобразилось, как только зазвучали стихи. По-блоковски сдержанный, но отнюдь не монотонный — такое мог позволить себе лишь сам поэт, — ритмически выверенный, сохраняющий некую доминанту интонации при богатстве оттенков, голос чтеца придал неожиданное очарование невзрачной обстановке, заставил ее работать на поэзию. В памяти возникло описание последнего выступления А. Блока в Москве, в аудитории Политехнического музея, известное и по литературе, и по устным рассказам потрясенных очевидцев. Мне представилось, что я перенесся в суровую постереволюционную Москву, благо амфитеатр Комаудитории, напоминающий вздыбленный зал Политехниче-

ского музея, помогал воображению, и на моих глазах поэт, в ком встретилась «век нынешний и век минувший», прощается стихами со столицей, ведая тайным знанием, что уж никогда не вернется сюда.

Удивительное дело: Владимир Яхонтов, читая «Во весь голос», становился ошеломляюще похож на Маяковского, у Дмитрия Журавлева, проникновенно, всей глубиной души читавшего лермонтовское «Наедине с тобою, брат...», появлялось неожиданное сходство с поручиком Тенгинского полка; небольшой, сухопарый, нервный Вадим Маратов казался моему притуманенному влагой чувства и чужой памяти взляду романтическим, с длинным, неподвижным лицом певцом «Незнакомки». Тут нет никакой мистики, слиянность чтеца с

поэтом в слове и музыке стиха озацел облик.

В чтении Маратова присутствовал и Блок «Прекрасной дамы», и Блок Карменситы, и Блок — певец России, и Блок, разочаровавшийся в кумирах юности, и, наконец, Блок «Двенадцати». Настроенный на доверие первыми же звуками голоса чтеца, я целиком отдался очарованию блоковского слова, и чтец ни разу не обманул меня, вдохновение поэта и чтеца стало и моим вдохновением.

Лишь когда объявили «Двенадцать», я встревожился. Ах, как обманчива кажущаяся выгодность исполнения этой поэмы, столь яркой, броской, вобравшей в себя столько хлестких удлинных словечек, площадного юмора, сочетающей революционные ритмы с гармошковым перебором, городской романс с песнопени-

ем. Как соблазнительно пойти по пути внешней выразительности, актерства, как легко и заманчиво начать и грать эту поэму, воплощаясь в ее персонажей, вместо того чтобы читать. Хороший вкус — самый надежный леопан — провел Маратова мимо всех отemel и рифов. «Двенадцать» прозвучали на одном дыхании, строго, мощно, вьюжно, революционно. Было все — и черный ветер, и белый снег, и обольстительная Катька, и горький Ванюха, и революционный шаг, и старый век — голый пес, и надвьюжная поступь Христа, и все это без следа дешевого лицедейства. Молчащее слово поэта обрело равнозначную жизнь в слове звучащем. Праздник состоялся, и я подумал тогда: надо написать о молодом чтеце, так славно служащем делу поэзии.